

Глава четвертая

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ

Политика СССР в отношении Японии: курс на добрососедство

Хотя в предыдущих главах не шла речь о двусторонних японо-советских отношениях, тем не менее читатель, вероятно, обратил внимание на то, что во всех направлениях внешней политики Японии весомо присутствовал советский, точнее, антисоветский фактор. Он являлся ключевым в отношениях с США и странами Западной Европы, с государствами Азии и Тихого океана, а также в доктрине КОНБ и в военной политике Токио.

Конечно, влияние СССР на международную обстановку и ее развитие столь велико, что ни одно правительство не может обойтись без определения своей позиции относительно Советского Союза. Выбор позиции зависит прежде всего от социального характера государств, и в этом смысле все капиталистические страны по сути своей антагонисты СССР. Но решать межсистемные противоречия на путях военной конфронтации в современных условиях означало бы поставить под угрозу само существование человечества. Это понимают руководители многих капиталистических государств и поэтому видят разрешение исторических противоречий в ходе мирного социально-экономического и идеологического соревнования. На иной путь, путь конфронтации и враждебности, склоняется Япония. Причем ответственность за это она возлагает на Советский Союз, который якобы ужесточил свою политику на мировой арене, в том числе и в отношении Японии. Чтобы убедиться в несостоятельности подобных обвинений, коротко остановимся на внешнеполитических шагах СССР по отношению к своему дальневосточному соседу.

Основой политики Советского Союза в отношении капиталистических стран являются ленинские принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Этими принципами изначально руководствуется Советское государство и в своих связях с Японией.

В 50-е годы позиция Советского Союза в отношении этой страны нашла свое отражение в совместной с КНР декларации от 12 октября 1954 г. В ней подчеркивалось, что Советский Союз

и КНР в своей политике по отношению к Японии исходят из принципов мирного сосуществования, из заинтересованности в развитии торговых и культурных связей¹. В 1956 г. была подписана советско-японская декларация о восстановлении дипломатических отношений. В ней указывалось, что обе стороны будут разрешать споры только мирными средствами, воздерживаться от угрозы применения силы².

В 1957 г. Советский Союз благожелательно отнесся к интересам Японии в ходе переговоров по вопросу о рыболовстве в северо-западной части Тихого океана. Следовательно, стремление СССР к добрососедству с Японией было абсолютно ясно проявлено в период, когда, по мнению буржуазных авторов, Советский Союз осуществлял «жесткую» линию в отношении Японии³.

Стремлением к налаживанию добрососедских отношений были мотивированы действия Советского Союза и в 60-е годы. Во время визита в Японию первого заместителя Председателя Совета Министров СССР в 1961 г. вновь было подчеркнуто намерение Советского Союза крепить плодотворное сотрудничество с Японией и указывалось, что важным шагом на этом пути могло бы стать развитие торговли, так как программа внешней политики СССР — «это программа мирного сосуществования, сотрудничества в экономической области»⁴. Официальные заявления советских руководителей деятелей в 60-х годах свидетельствовали о неизменности советской политики в отношении Японии. И в том, что японо-советские связи развивались, немалая заслуга принадлежит инициативам Советского государства, его принципиальной политике.

Наибольший прогресс в советско-японских отношениях наблюдался в 70-е годы, т. е. в период ослабления международной напряженности. Еще в 60-е годы в их практике укоренились компенсационные сделки, предусматривающие переход к долговременному экономическому взаимодействию. На новую ступень двусторонние экономические связи поднялись после того, как японское правительство предоставило гарантии и кредиты частным компаниям, занятым совместно с советскими организациями в осуществлении проектов Сибири. В апреле 1974 г. впервые в истории был подписан Протокол, предусматривавший предоставление Советскому Союзу государственных кредитов экспортно-импортным банком Японии на сумму 1050 млн. долл. На основе Протокола 3 июня 1974 г. заключено Генеральное соглашение о поставках в СССР оборудования, машин и материалов для разработки Южно-Якутского угольного бассейна в счет кредитов Японии на сумму 450 млн. долл. Позднее было подписано еще одно Генеральное соглашение о поставках Советскому Союзу японского оборудования и других материалов на 550 млн. долл. и об экспорте в Японию в 1975—1979 гг. 17,5 млн. куб. м деловой древесины и 900 тыс. куб. м пиломатериалов. После выполнения этого соглашения 9 марта 1981 г. подписывается аналогичное Генеральное соглашение для разработки лесных ресурсов

Дальнего Востока. Перспективным оказалось Генеральное соглашение от 28 марта 1975 г. о проведении геологоразведочных работ на нефть и/или газ на шельфе о-ва Сахалин. Успешно были выполнены пятилетние торговые соглашения за 1971—1975 гг. и 1976—1980 гг.⁵ Сейчас действует торговое соглашение на период 1981—1985 гг.

На совещании японских деловых кругов с советскими представителями в Москве в сентябре 1979 г. японская сторона дала положительную оценку реализации Генеральных соглашений и проявила интерес к новым проектам, предложенным Советским Союзом в качестве базы для дальнейшего наращивания сотрудничества на компенсационной основе.

Показателем поступательного развития советско-японских экономических связей служит состояние торговли, объем которой вырос с 822 млн. долл. в 1970 г. до 4638 млн. в 1980 г. и 5280 млн. долл. в 1981 г. Происходит непрерывный рост морских и авиационных грузовых перевозок между обеими странами. Большую роль при этом играет новый порт — Восточный, построенный в бухте Врангеля при участии японских строительных организаций.

Атмосфера разрядки благотворно сказалась и на углублении торгово-экономических и политических связей Японии с социалистическими странами Восточной Европы. Так, общий экспорт Японии в такие страны, как Чехословакия, Польша, ГДР, Румыния, Венгрия, Болгария, увеличился со 106,6 млн. долл. в 1970 г. до 757,8 млн. долл. в 1981 г., а импорт за тот же период — со 111,3 млн. до 230,4 млн. долл. Знаменательными, например, были визиты в Японию Председателя Государственного совета Болгарии Т. Живкова (март 1978 г.), венгерского министра иностранных дел Ф. Пуйя и членов правительств других социалистических государств. После установления в 1973 г. дипломатических отношений между Японией и ГДР неуклонно развивались торговые и иные связи между ними. Особенно благотворное влияние на их развитие оказал визит в Токио Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР Э. Хоннекера в мае 1981 г. В ходе двусторонних переговоров был подписан договор о торговле и судоходстве, а также была достигнута договоренность о долгосрочном экономическом сотрудничестве, в рамках которой Япония намеревалась поставить в ГДР 10 тыс. автомобилей, нефтеперерабатывающий завод и другие виды промышленного оборудования общей стоимостью 1 млрд. 300 млн. долл.

С перспективой развивались японо-польские отношения. В 1970 г. экспорт Японии в ПНР был равен 22,4 млн. долл., а в 1980 г. он возрос до 228 млн. долл.; темпы роста импорта, правда, были скромнее: соответственно 39,6 млн. и 61 млн. долл. Однако в последующем в связи с негативной позицией Токио к мероприятиям польского правительства по нормализации внутривосточной обстановки взаимная торговля пошла на убыль и в

1981 г. составила 99,5 млн. долл. в японском экспорте и 35,9 млн. долл. в импорте.

И все же, если говорить в целом, экономические связи Японии с социалистическими странами Восточной Европы и с СССР в 70-е годы и в самом начале 80-х годов развивались успешно. Советский Союз при этом неоднократно демонстрировал готовность к углублению сотрудничества, приданию им большего динамизма и превращению их в важнейший позитивный элемент международных отношений в азиатско-тихоокеанском регионе.

Совсем иной характер носит позиция официального Токио в отношении Советского Союза. Даже в 50—70-е годы политическая атмосфера в стране не всегда благоприятствовала успешному развитию советско-японских отношений. В Японии действовали силы, которые пытались блокировать углубление взаимных связей. Активными поборниками антисоветизма в правящем лагере являются представители монополий, связанных с производством оружия, и военные круги. К ним примыкают различные правые националистические организации. Эти силы вместе с Вашингтоном оказывали воздействие на правительство, пытались подтолкнуть его к антисоветским акциям. Именно давлением этих сил и объясняется противоречивая и непоследовательная линия Токио в отношении Советского Союза. А это, естественно, не могло не вести к перебоям, к спадам в советско-японских отношениях, созданию помех на пути к добрососедству.

С конца 70-х — начала 80-х годов негативные факторы, которые мешали развивать отношения с СССР в предыдущие годы, стали все больше определять политику Японии. Как известно, администрация президента Картера в конце своего существования потребовала от Японии «ужесточения» подхода к Советскому Союзу. Настояния Вашингтона на принятии «санкций» против Советского государства в связи с так называемыми «афганскими событиями» в целом нашли положительный отклик в японском правительстве. В частности, японское правительство рекомендовало компаниям частично свернуть экономическое сотрудничество с СССР и не возобновлять переговоры по новым контрактам. Кроме того, по инициативе Токио были прерваны официальные контакты с советской стороной.

Подобные шаги вызвали энергичные протесты демократической общественности Японии. Недовольство выразили и представители бизнеса. Так, С. Нагано призвал кабинет министров «различать экономику и внешнюю политику» и заявил, что «деловые круги не собираются прерывать японо-советское экономическое сотрудничество». Печать расценила меры правительства как «безрассудные» и «неэффективные». «Факты свидетельствуют, — писала газета японских коммунистов „Акахата“, — о безоговорочном следовании правительства за действиями администрации США против Советского Союза».

По инициативе официальных кругов Японии в стране усилилась антисоветская пропаганда. Во-первых, в органах массовой

информации умножились публикации явно провокационного толка. Газета «Нихон-то собиэто» писала по этому поводу: «Быстро увеличивается число журналистов, связанных с УНО... Они выступают в роли застрельщиков выпадов в адрес миролюбивой политики стран социалистического содружества, и в первую очередь против СССР, СРВ, Кампучии»⁶. Во-вторых, сугубо негативную роль играет инспирированное буржуазно-националистическими элементами так называемое «движение за возвращение северных территорий». Неоднократные поездки членов кабинета, а с 1981 г. и самого премьер-министра в северные районы Хоккайдо также преследуют цель подогреть беспредметный «территориальный вопрос». Дело дошло до того, что были учреждены дни «северных территорий». В них обычно участвуют члены правительства, включая премьер-министра. ЛДП выделило 10 млрд. иен для расходов в течение 5 лет на организацию антисоветских кампаний и раздувание среди населения чувства враждебности к СССР. В-третьих, предпринимаются попытки подкрепить необоснованные территориальные притязания мифом о «советской военной угрозе». В соответствующей главе уже говорилось, что цель подобной кампании — оправдать рост военных расходов и собственное военное строительство. В-четвертых, очередным поводом для взрыва антисоветской кампании в начале 1982 г. послужило решение польского правительства о введении военного положения в стране. В духе одного из положений доктрины КОНБ — необходимости объединения и кооперации западных стран — официальная Япония поддержала интерпретацию польских событий США и некоторыми другими странами НАТО. Японский министр иностранных дел и генеральный секретарь кабинета возложили «вину» за принятое в Варшаве решение на Советский Союз⁷.

Несмотря на широкий спектр антисоветских действий, Советский Союз, проявляя выдержку и твердость, продолжал выдвигать инициативы по улучшению советско-японских отношений. Советское правительство терпеливо разъясняло и разъясняет обществу и официальным лицам в Токио пагубность и бесперспективность нагнетания антисоветских настроений в Японии.

Тем не менее официальный Токио продолжает свою линию. В ходе переговоров между военными ведомствами США и Японии в ноябре 1982 г. была достигнута договоренность о размещении на японской территории, в том числе на военно-воздушной базе Мисава (северная часть о-ва Хонсю) американских истребителей-бомбардировщиков «F-16», способных нести на борту ядерное оружие. Подобная договоренность приобретает для Советского Союза особую угрозу, если иметь в виду, что японо-американский «договор безопасности» позволяет американским самолетам наносить бомбовые удары по советским базам в Приморье. Об этом прямо заявил заведующий договорным отделом МИД Японии в октябре 1982 г. Т. Курияма. Причем, по

свидетельству газеты «Асахи», японское правительство, оказывается, придерживается подобного толкования «договора безопасности» еще с 1960 г.⁸ Советское правительство вынуждено было выступить с заявлением в адрес японского правительства, в котором обращалось внимание на то, что «реализация планов размещения в Японии американских самолетов „F-16” вынудила бы Советский Союз принять ответные меры оборонительного характера для нейтрализации новой опасности, исходящей с японской территории». «Советская сторона, — говорится в заявлении, — ожидает, что правительство Японии с должным вниманием отнесется к высказанным советской стороной соображениям, тщательно взвесит все последствия своего решения, в том числе и для безопасности самой Японии».

В то же время Советский Союз давал возможность японской стороне изменить положение. В заявлении указывалось, что «долгосрочным интересам советского и японского народов отвечало бы не нагнетание напряженности, а поиск путей укрепления взаимного доверия и расширения делового сотрудничества»⁹.

Советский Союз неоднократно предлагал Японии подписать мирный договор на взаимоприемлемой основе. Обмен мнениями по вопросу заключения мирного договора имел место во время встреч между руководящими деятелями Советского Союза и Японии в 1973, 1975, 1976 гг. Из бесед выяснилось, что японская сторона не готова к заключению такого договора. Тогда СССР предложил, не прекращая переговоров по мирному договору, подписать между странами договор о добрососедстве и сотрудничестве, проект которого был передан в январе 1978 г. министру иностранных дел Японии. Предполагалось, что этот договор охватит те области, которые созрели для того, чтобы поставить их на прочную договорную базу. Нет сомнения в том, что заключение такого договора отвечало бы интересам советского и японского народов и стало бы крупным шагом в пользу мира.

В связи с этим предложением в японских политических кругах было выражено опасение, что заключение такого документа воспрепятствует подписанию мирного договора. Но в советской печати неоднократно указывалось, что реализация советского предложения о заключении договора о добрососедстве и сотрудничестве ни в коей мере не снимает вопроса о мирном договоре, в отношении которого советская сторона готова зафиксировать намерение продолжить переговоры. Проект договора о добрососедстве и сотрудничестве, предложенный Советским Союзом, находится в полном соответствии с Уставом ООН и включает в себя такие положения, которые уже в той или иной форме нашли свое отражение в договорах и соглашениях, заключенных СССР с США, ФРГ, Францией и другими капиталистическими странами.

Однако официальные круги Японии под различными предлогами отказались от серьезного изучения советских предложений и ответили на них развертыванием широкой антисоветской кам-

пании вокруг уже упоминавшегося «территориального вопроса».

Более того, враждебность к Советскому Союзу вышла за рамки двусторонних отношений и стала пронизывать чуть ли не все направления внешней политики Японии. Какие же перспективы сулит подобная политика? Рассмотрим ее предварительные итоги в более широком контексте.

Еще в ходе выработки внешней политики на 80-е годы многие ученые, политические деятели и деловые круги высказывали опасения по поводу того, что невозможно будет сохранить баланс между тремя компонентами доктрины КОНБ. Внешнеполитическая деятельность Токио в последние годы подтвердила эти опасения.

Как и следовало ожидать, наибольшее внимание было уделено военно-политической стороне внешней политики Токио. Поддержка антисоветской стратегии Белого дома на практике привела к ускорению качественной модернизации вооруженных сил страны, совершенствованию военного механизма взаимосвязи с Вашингтоном на основе «договора безопасности», учащению совместных с вооруженными силами Пентагона военных учений, а также к закреплению за «силами самообороны» постоянного места в качестве участника многосторонних маневров «Римпак» со странами АНЗЮС. Интенсивно продолжаются трехсторонние контакты между США, Японией и Южной Кореей, нацеленные на военно-политическую интеграцию трех стран в единый военно-политический механизм. Дальнейшее развитие получают военно-политические переговоры Японии с европейскими странами НАТО (в первую очередь с Францией, ФРГ, Англией и Италией) — процесс, именуемый «натоизацией» Японии. Сохраняется враждебная позиция Токио в отношении социалистических государств Индокитая и Афганистана, в целом усилилась антисоветская линия японского правительства.

Вместе с тем не были решены задачи, предусмотренные в экономической части доктрины КОНБ: не только сохранились, но и обострились торгово-экономические противоречия с США и странами ЕЭС, не разрешены экономические расхождения с государствами АСЕАН; к ним добавилось усиление опасений с их стороны в связи с наращиванием мощи «сил самообороны» Японии; не столь однозначно, как хотелось бы Токио и Вашингтону, развиваются отношения с КНР. Проамериканизм Токио осложнил позиции японских компаний на Ближнем Востоке. Серьезно ухудшились советско-японские политические и экономические связи. Причем, как отмечалось в японской печати, бизнесмены из-за «санкций», предпринятых в связи с «афганскими событиями», понесли убытки в размере 4 млрд. долл.¹⁰

Сравнение результатов осуществления военно-политической и экономической частей доктрины КОНБ свидетельствует о том, что первая развивается, по логике японского правительства, по восходящей линии, так сказать со знаком «плюс», вторая — по нисходящей, со знаком «минус». Этот процесс естественный, по-

скольку любой «плюс» в военной сфере оборачивается «минусом» в экономике. И прошлое, и современность доказали и продолжают доказывать, что затраты на военные цели наносят ущерб экономическим интересам. Такие результаты запрограммированы самой доктриной КОНБ с ее неизбежным утритированием военного аспекта: действие последнего объективно направлено против гармоничного развития экономики.

Буржуазные либералы и внешняя политика Японии: призыв к реальности

Обратная пропорциональность возможных «успехов» в военной политике, в антисоветской направленности внешней политики Японии ее достижениям в экономических областях начинает вызывать серьезное беспокойство у бизнеса. Один из представителей деловых кругов, советник Банка Японии (а также профессор экономики университета Сэйкэй, президент Института статистических исследований и Азиатского клуба) М. Синохара с целью избежать такой зависимости предлагает увязать «комплексную безопасность» с «международной безопасностью», которая может быть достигнута на путях экономического сотрудничества и оказания помощи развивающимся государствам. «И если США, — пишет М. Синохара, — утомленные такой помощью, пытаются освободиться от этого типа безопасности, то для Японии она необходима, во-первых, из-за чрезвычайно высокой зависимости от сырьевых и энергетических ресурсов, во-вторых, от продовольствия, в-третьих, в связи с перестройкой взаимоотношений с новыми индустриальными государствами (Южной Кореей, Тайванем, Гонконгом, Сингапуром). Поэтому вклад Японии в международную безопасность надо осуществлять не в военной сфере, а в сфере ресурсов, энергии и продовольствия». Синохара считает далее, что особое внимание с точки зрения продовольственных проблем необходимо обратить на развитие дельты Меконга в Индокитае, где к 1990 г. может быть выращено 3,5—3,6 млн. т риса. Но эти потенциальные возможности можно реализовать «на основе экономического сотрудничества между оппозиционными политическими системами»¹¹.

Подобные настроения частично были воплощены в реальных действиях во время уже упоминавшегося визита в СССР японской экономической делегации во главе с С. Нагано. В условиях расцвета антисоветизма этот визит, даже вне зависимости от результатов, символизировал своего рода вызов крупного бизнеса курсу кабинета Накасонэ и отражал неприятие политики КОНБ в ее чрезмерно военизированном виде.

Среди политических и научных кругов Японии существует немало сторонников серьезного подхода и к развитию советско-японских политических отношений, закрепленных соответствующим договором. Так, еще в 1978 г. С. Сонода, касаясь советского предложения подписать договор о добрососедстве и сотруд-

ничестве, говорил: «Мы не должны отвечать только „нет”. Мы должны выступить с контрпредложением за столом переговоров, например таким: можно обсуждать этот договор параллельно с договором о мире»¹².

Некоторые политические деятели понимают, какое серьезное осложнение в советско-японские отношения вносит «территориальная проблема». В этой связи известный деятель Японии, председатель правления японской Ассоциации по культурным связям с зарубежными странами С. Мацумаэ резонно указывает: «Принятие кабинетом... решения об учреждении „дня северных территорий” является провалом дипломатии Японии в отношении СССР. Такое решение... приведет к обострению японо-советских отношений в то время, когда усиливаются настроения в пользу урегулирования отношений с Советским Союзом»¹³. Такой точки зрения придерживаются многие ученые, принадлежащие к школе «политического реализма», например М. Накадзима. Он полагает, что сложные вопросы в советско-японских отношениях, как, например, «провокационную проблему северных территорий», необходимо решать с «холодной головой», а не путем «возбуждения японской общественности».

Решительное противодействие в части правящих кругов вызывают и антисоветские начала в общей теории и практике политики «безопасности». Многие представители этих кругов не склонны рассматривать свою страну в качестве неотъемлемого «элемента» глобальной политики Вашингтона. Некоторые из них отклоняют так называемую концепцию «советской угрозы», справедливо квалифицируя ее как «демагогическую и ограниченную». Действия Советского Союза на международной арене, по их мнению, являются естественным отражением идеологических основ советского государства, нацеленных в первую очередь на защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Отвергая как необоснованный тезис об «угрозе», они считают, что главная задача СССР заключается в укреплении дружеских связей с их страной и в углублении экономического сотрудничества. Именно таким образом воспринимают советскую внешнюю политику, как было сказано в одном авторитетном сборнике, «большинство японцев, предпочитающих мир на основе разрядки международной напряженности и экономическое сотрудничество с СССР»¹⁴. В упоминавшемся сборнике были приведены результаты опроса среди влиятельных политических деятелей, включая членов кабинета Д. Судзуки. Как оказалось, большинство опрошенных вообще не верят в мифическую «советскую угрозу».

В правящих кругах страны с начала 80-х годов, т. е. с момента нового витка гонки вооружения, образовалась своего рода буржуазно-либеральная оппозиция курсу официального Токио. Она состоит из видных деятелей ЛДП, представителей бизнеса, влиятельных ученых. В отличие от правительственных оценок они по-иному подходят ко всему комплексу отношений между

США, СССР и Японией. Они полагают, что нынешняя система американо-японских отношений позволяет Вашингтону устанавливать полный контроль над японской внешней политикой, в результате чего страна продолжает переживать «оккупационный период» с ограниченным «политическим суверенитетом»¹⁵. Белый дом как бы в подтверждение этого, казалось бы, на первый взгляд преувеличенного вывода потребовал в феврале 1984 г. от японского правительства разрешения ввести в состав Совета промышленной структуры при МВПТ наблюдателей от США. Это требование, оцененное как намерение Вашингтона взять под свой контроль внешнеэкономическую деятельность Японии, тем не менее было удовлетворено кабинетом Накасонэ¹⁶. Прецедент, не имеющий практики в межгосударственных отношениях, еще раз продемонстрировал, сколь подчиненное положение занимает Япония в отношениях с США.

Среди буржуазно-либеральной оппозиции существует устойчивое мнение, что усиление военной мощи Японии и укрепление ее военных связей с США не содействуют обеспечению безопасности страны. Обратимся к оценкам военного специалиста, бывшего начальника отдела истории Военной академии УНО Х. Маэда. Он подвергает обстоятельной критике американскую теорию «бесплатного использования договора безопасности». Этот договор, считает Маэда, был «навязан» побежденной Японии. «Едва ли, — пишет он, — победившая страна станет односторонне навязывать побежденной стране договор, невыгодный ей самой. На самом деле этот договор требует жертв от Японии, но отнюдь не от США». Японии же он невыгоден по той простой причине, что «нет оснований предполагать, будто бы она столкнется с военной угрозой, достаточно сильной, чтобы оправдать размещение иностранных войск на ее земле». Хотя бы уже потому, что у Японии нет нерешенных военных проблем с ее соседями. Утверждать же, будто Япония обязана совместными действиями американских и японских вооруженных сил предотвращать «советское вторжение — значит, по существу, создавать иллюзию мании преследования». Смехотворными называет ученый высказывания некоторых деятелей об имеющихся якобы у СССР намерениях установить контроль над японской промышленностью, взяв «в клещи» морские коммуникации. Наконец, пишет он, «японцам нет абсолютно никакой необходимости считать, что страна в настоящее время подвергается ядерной угрозе со стороны Советского Союза», а поэтому «ядерный зонтик» США — это «помощь», которая вовсе не требуется. В результате, делает вывод Маэда, «угроза Японии исходит от нажима США, а не от наращивания военной мощи СССР». И чтобы искоренить эту угрозу, необходимо освободиться от «договора безопасности» и военной опеки США¹⁷.

Другой специалист в военной области, М. Ягисава, резонно спрашивая, чьи же интересы следует защищать под рубрикой «национальных интересов», отвечает: это — интересы корпора-

ций, интересы США. А подлинным национальным интересам Японии соответствовала бы договоренность СССР и США об отказе от войны, о снижении военного противостояния в мире¹⁸. Д. Лумис из токийского колледжа «Цуда», кстати не питающий особых симпатий к СССР, считает, что «единственной страной, которая может вторгнуться в Японию, являются США. Конечно, это могло бы случиться, так сказать „по просьбе законного правительства“, если бы антиамериканское движение усилилось бы настолько, что японские власти оказались бы не в состоянии его контролировать»¹⁹. В Японии, безусловно, есть и такие деятели, которые постоянно говорят об «угрозе» со стороны Советского Союза. Но даже они, правда с сожалением, вынуждены констатировать, как это делает бывший главный редактор агентства Дзиди К. Моринага, что «фактически мало японцев верят в реальную советскую угрозу»²⁰.

В связи со всеми этими разговорами об угрозе и подготовке к ее отражению японцы ставят и более общий вопрос: можно ли вообще добиться внешнеполитических целей, применяя опасный военный инструмент? Известный политический деятель, губернатор префектуры Канагава К. Нагасу, ставя под сомнение правомерность доктрины «национальной обороны» в качестве государственной политики, пишет: «Все войны начинались ради самообороны. В результате провозглашения самообороны в качестве цели защиты жизненных интересов Япония втягивалась в агрессивные войны, которые вела 15 лет»²¹. 17 тыс. японцев погибло в японо-китайской войне 1894—1895 гг., 100 тыс. — в русско-японской войне 1904—1905 гг., 2100 тыс. — в тихоокеанской войне — такой печальный итог внешнеполитических авантур Японии. Нагасу не видит иной альтернативы внешнеполитическому курсу страны, кроме пути к миру и готовности отстоять мир. Он верно подметил размытость «самооборонной» политики Токио, справедливо считая, что для военных кругов «самооборона» — это замаскированная форма наступательной, агрессивной доктрины и практики.

Бывший генеральный секретарь Совета обороны О. Кайхара с позиции военного разобрал план 1000-мильной «обороны» Японии, который был предложен адмиралом Ц. Яда²². Подсчитав наличный и перспективный потенциал Японии, а также возможные варианты, с которыми придется столкнуться стране в случае попыток реализации этого плана, О. Кайхара пришел к выводу: «Требования к силам самообороны самостоятельно защищать 1000-мильную зону напоминают позиции императорских ВМС: „ничего нет и не может быть невозможного“. А такая позиция привела Японию к поражению»²³.

Именно в этой связи многие специалисты обращают внимание на специфику положения страны, которая ставит ее в особенно неблагоприятные условия с точки зрения ведения современной войны. Островное положение государства, концентрация населения в крупных городах, скопление промышленности на неболь-

шой территории, наконец, отсутствие естественных ресурсов — все это делает «непотопляемый авианосец» особенно уязвимым для ответного удара.

Надо полагать, что значительная часть правящих кругов и не связывает усиление «оборонного» потенциала с прямым вовлечением в военные действия на своей территории и за ее пределами. Многие представители этих кругов рассматривают глобальные военные устремления как фактор, повышающий политическое влияние страны в мире. Ностальгия о мировом политическом авторитете давно гложет Токио. Однако опыт XX в. показал, что истоки политического влияния отнюдь не находятся в сфере военной политики. Экономические и культурные факторы оказываются в этом смысле намного эффективнее.

Интересны в этой связи мысли С. Сонода, относящиеся к 1978 г., когда он исполнял обязанности министра иностранных дел. В предисловии к очередной «Голубой книге» он подверг критике имеющую хождение на Западе концепцию, согласно которой «ценность» государства определяется категорией «военная сила». Отвергая такой вариант «ценности», он писал, что «скорее всего в этой связи важен вклад в соответствии с интересами всего мирового сообщества. Именно вклад стал критерием для определения ценности и уровня авторитета страны в мире. Поэтому наша страна, исходя из данного критерия, превратилась в государство, обладающее ценностью, так как экономический вклад дополняется политическим»²⁴.

Нельзя не согласиться с подобными рассуждениями. Проблема только в том, что они не имеют отношения к Японии, по крайней мере к нынешней ее политике. Политического же влияния можно добиться только политическими средствами.

С таким выводом начали соглашаться и те деятели, которые когда-то сами внесли весомый «вклад» в наращивание военных сил страны, например бывший премьер-министр Д. Судзуки, а также нынешний претендент на этот пост Т. Комото. Растет и беспокойство деловых кругов, у которых, по словам президента компании «Каватэцу кокэнсэцу» Я. Кавада, разговоры о превращении Японии в «непотопляемый авианосец» вызывают «страх». Эти настроения подытожил президент торговой фирмы «Дайэн» Накаутти. «Идея о том, что в ядерный век можно обеспечить безопасность страны путем гонки вооружения, — заявил он, — является в корне ошибочной. Такой политике необходимо поставить прочный заслон»²⁵.

В докладе Общества комплексного изучения проблем современности, куда входят различные слои японской политической и научной элиты, был дан критический анализ нынешнего внешнеполитического курса Токио, и прежде всего его безоговорочного следования стратегии США. Авторы доклада выдвинули предложение заключить между США, СССР, КНР, Тайванем, Южной Кореей, КНДР и Японией договор о коллективном обеспечении

безопасности, который бы декларировал демилитаризацию Дальнего Востока и взаимное ненападение сторон²⁶.

Таким образом, многие японские ученые-международники, военные специалисты, представители делового и политического мира считают, что наращивание военного потенциала страны, тем более его использование объективно и исторически ничем не мотивировано: оно не только не увеличит политического влияния, не только не обеспечит национальную безопасность, а, наоборот, может поставить под угрозу подлинную безопасность Японии, подорвать имедж невоенной державы, вызвать самую негативную реакцию внешнего мира. Старая милитаристская доктрина (выдвинутая еще в 1860 г.) — богатая нация, сильная армия (фукоку кёхэй) — уже привела однажды к краху и чуть ли не к потере суверенитета Японии. В современную же эпоху две составные части этой доктрины являются антагонистами.

Однако логика рассуждений не всегда соответствует логике действий. Последние говорят о том, что милитаристские тенденции продолжают усиливаться. К чему это может привести уже в ближайшем будущем?

Не вдаваясь в детали последствий экономического и политического характера для внутривнутриполитической ситуации в стране, можно все же предположить, что отвлечение ресурсов на так называемые «оборонные нужды» понизит долю национального богатства и ослабит Японию на внешних рынках к вящему удовлетворению США и Западной Европы.

Надо полагать, что страны АСЕАН вряд ли будут безмятежно созерцать процесс наращивания вооруженных сил своего воинственного соседа. Опыт «общения» с Японией в годы второй мировой войны еще не изгладился из памяти их народов. Повторять его, судя по высказываниям политических лидеров этого блока, они явно не желают.

Нельзя, видимо, исключать и изменения в позиции КНР. У Пекина в настоящее время особый подход к наращиванию военного потенциала Японии. Однако выход ВМС Японии в зону ЮВА может рассматриваться в Китае и с точки зрения безопасности южных границ КНР. Такая ситуация не может не привести к появлению иных настроений среди китайского руководства, в результате чего возможно обострение японо-китайских противоречий.

Нереальным было бы полагать, что и Советский Союз останется безучастным наблюдателем попыток нарушить равновесие на Дальнем Востоке путем усиления военной мощи Японии, углубления военных связей между УНО и Пентагоном, размещения со стороны США новых видов оружия в регионе. Профессор Е. Нагаи как-то писал: «Поскольку милитаризация Японии будет носить характер антисоветской заостренности, Советский Союз вынужден будет предпринять контрмеры»²⁷. И в этом японский профессор совершенно прав. Заблуждаться на этот счет нет никаких причин.

Давая отпор милитаристским и антисоветским поползновениям реакционных кругов Японии, Советский Союз в то же время всегда оставлял и оставляет двери открытыми для ведения конструктивного диалога с этой страной. Об этом постоянно напоминают руководители партии и правительства СССР. Так, в одном из своих выступлений министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заявил: «Если в Токио сделают выбор в пользу мира и добрососедства, то СССР будет надежным партнером Японии в развитии широчайших взаимных связей в политической, экономической и других сферах»²⁸.